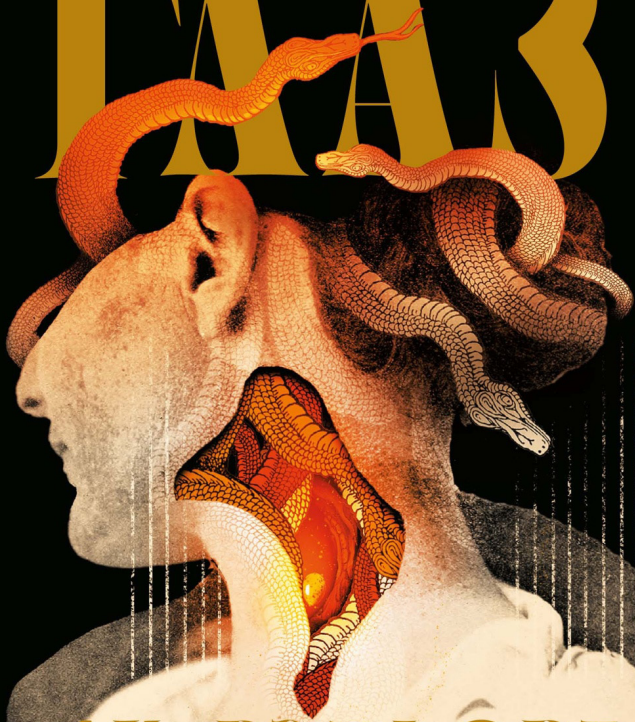

ЖЕЛТЫЙ ГЛАЗ

ЛИ РЭДФОРД

Ли Рэдфорд Желтый глаз

Серия «Имена. Зарубежная проза»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74200831

Желтый глаз:

ISBN 978-5-389-33940-8

Аннотация

Вспышка вируса угасла через несколько недель после того, как обратился первый зараженный. На улицах снова стало безопасно. Кризис миновал.

Но медицинский биолог Кеста не может просто забыть. Днем она работает на износ и ходит на встречи психологической поддержки для тех, кто потерял близких во время зомбиапокалипсиса, а ночью одержима идеей раскрыть тайну происхождения зомби-вируса. Миру это нужно. Ей это нужно.

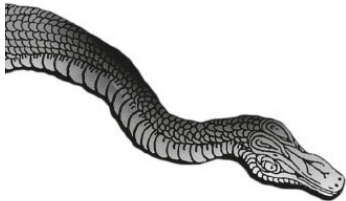
Шанс подворачивается, когда ее кандидатуру принимают к рассмотрению на участие в секретном проекте «Рассвет», занимающимся разработкой вакцины. Теперь Кеста близка ко всему, о чем она так мечтала. Главное, чтобы никто не узнал о ее секрете: в гостевой спальне, пристегнутый наручниками к батарее и накачанный седативными, скрывается последний на земле зараженный – ее муж Тим. И нет ничего, на что бы не пошла

Кеста ради того, чтобы вернуть к нормальной жизни самого родного и любимого человека.

Вопрос только в том, успеет ли Кеста спасти его, прежде чем их обнаружат? И не приведет ли ее одержимость к новому концу света?

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	20
Глава третья	34
Глава четвертая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ли Рэдфорд Желтый глаз

Папе.

Мы бы сделали все возможное, чтобы ты

остался с нами.

*Целую тебя
Бунтуй, бунтуй, когда слабеет свет!¹
Дилан Томас*

© Leigh Radford, 2025

© Судавная Д., перевод на русский язык, 2026

© Simon & Schuster, обложка, 2025

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-КА», 2026

Глава первая

Кеста моргнула. Один раз. Второй. Третий – с явным усилием, так, что ресницы вжались в глазные впадины. Ей нравились и этот внутренний хруст, и это разливающееся внутри ощущение, похожее на невольную прелюдию к зевку.

Она теперь много думала о моргании, потому что *они* не моргали. Поначалу она не обратила на это внимания. Находясь в эпицентре хаоса, важные детали можно и упустить. Свидетели ненадежны. Когда вокруг тебя люди в ужасе бросаются врассыпную, а ты вдруг осознаешь, что на полной скорости убегаешь от одного из них, и нет времени разворачиваться, возвращаться в лабораторию и нестись на четвертый этаж за щелевой лампой², чтобы как следует все разглядеть. Мысль о том, что они не моргают, пришла ей в голову гораздо позже – три или, возможно, четыре недели спустя, – после того как некоторые из них погибли прямо у нее на глазах (большинство застрелили солдаты, а одному отрубило голову оцинкованными раздвижными дверями в химчистке – по-настоящему незабываемое зрелище).

Именно тогда она обнаружила одного в патологоанатомической лаборатории – он просто бродил туда-сюда, будто когда-то работал там носильщиком. Конечно, его выдавало от-

² Офтальмологический прибор для детального осмотра видимых частей глаз.

сутствие руки, не говоря уже о том, сколь мало оно его беспокоило, а еще – обильное кровотечение и торчащая наружу плечевая кость. И тогда она принялась его бить, снова и снова, сначала стулом, который был слишком громоздким, чтобы им могла успешно орудовать женщина ее габаритов, а затем старым микротомом³ со стола Дадли, который она до того момента использовала для нарезки залитых парафином образцов. Она столько раз ударила его по голове, что в итоге от головы ничего не осталось, и все же он ни разу не моргнул. Впоследствии она все тщательно законспектировала.

«Пациент не моргает. Пациент не может моргать. Следует проверить на лагофthalm⁴, проптоз⁵ или новообразование».

Кеста вздохнула. И, надо отдать ей должное, вздыхать было о чем. Впрочем, то же было верно и для всех остальных. Сегодня среда, а это означало, что ей придется выслушать литанию о несчастьях, выпавших на долю одиннадцати других участников групповой терапии. Работа ученого-биомедика обязывала ее посещать их встречи, учитывая, что с ней произошло. Так что она ходила.

Остальные участники терапии, бывало, смотрели на нее так, словно жадно мечтали о дружбе. Когда это случалось,

³ Инструмент для нарезания биологических образцов на очень тонкие сегменты (срезы) для микроскопического исследования.

⁴ Патология, при которой веки не могут полностью закрываться.

⁵ Патология, при которой глазное яблоко смещается вперед (выпучивается).

Кеста принималась моргать чаще обычного, чтобы казалось, будто она глубоко задумалась или дремлет. Этот прием успешно срабатывал уже четыре недели, но она знала, что рано или поздно ей придется ясно сформулировать свой отказ. Однажды Тина, местная балаболка, предложила им создать отдельную группку; некоторые вроде обрадовались перспективе перенести их разговоры куда-то еще, возможно, в паб или (упаси господь) домой к одному из участников. Но единственное, о чем могла думать Кеста, – что группа дает метастазы, а по ее опыту это никогда ничем хорошим не заканчивалось. Распространение значило смерть.

Эти встречи группы поддержки для жертв зомби-апокалипсиса всегда проходили одинаково – медленно, скучно, неловко. От внимания Кесты не ускользнула ирония. Она задалась вопросом, что бы обо всем этом сказал Тим – о том, что его укусили в самом конце вспышки, а ее из-за этого приговорили к пожизненной терапии. Она так и не решила для себя, кому не повезло больше.

Пока она оплакивала Тима, другие горевали по своим детям, партнерам, родителям – их всех вырезали из жизни скорбящих с поразительной жестокостью. И кровожадностью. Если ее товарищи по ГПЗА (группе поддержки для жертв зомби-апокалипсиса) отчаянно пытались стереть из своей памяти те ужасы, свидетелями которых стали, Кесте всего лишь нужно было проработать свою скорбь и заняться поиском лекарства. Она пообещала Тиму, что сделает все

возможное для этого.

Так что каждую среду в четыре часа Кеста присоединялась к остальным в заброшенной комнатке в дальнем конце постепенно рассыпающейся лондонской больницы, где она работала днем. Там была куча всякой ерунды, которой принято заваливать людей с проблемами: носовые платочки, жестяные чайники, тарелки с пресным печеньем, которое успели перетрогать все без исключения. Сама комната представляла собой застекленную пристройку, характерную для государственных медучреждений, после пребывания в которой ожидаемо становилось хуже, чем было до. Окаменелый зеленый линолеум, разношерстные стулья и приставные столики, купленные по дешевке, но призванные служить долго, – все практичное, но при этом слишком пестрое. Здесь несло хлоркой, пространство было дочиста выскоблено ото всякой надежды и, по всей видимости, использовалось для встреч групп «Мама и малыш» или для обучения пожилых интернет-банкингу. А может, для бесед об инфекциях мочевого пузыря. Как бы то ни было, это помещение своей унылостью идеально подходило для того, чтобы каждую неделю проводить здесь часовую встречу для скорбящих и переживших утрату под руководством доктора Уоллинг, чье время оплачивали налогоплательщики. Кесту не столько возмущала сама мозгоправша, сколько приводили в уныние бессмысленные плакаты, уродовавшие стены: они наставляли присутствующих мыть руки и проверять простату. Даже если бы

последняя у Кесты была, она сомневалась, что стала бы ее проверять.

Когда члены ГПЗА собирались, они сперва рассыпались в любезностях. *«Как вы себя чувствуете?» «Кошмары прекратились, это уже что-то».* *«Это здорово, рад за вас».* Пять минут, и ручеек смятения и жалости к себе превращался в неукротимый поток горя и страха. Прошло уже три месяца с тех пор, как последних инфицированных взяли в окружение и расстреляли, но те, кто ходил на терапию, по-прежнему на клеточном уровне пребывали в оцепенении от шока. Однако единственным чувством, которое испытывала Кеста, была ярость.

– Кто хочет начать? – спросила доктор Уоллинг у собравшихся вокруг нее.

«Разговоры помогают», – постоянно повторяла доктор Уоллинг мягким детским голоском. Если Кеста что-то и знала наверняка, так это то, что ей разговоры совершенно точно не помогают. Они ничего не меняли, ничего не делали, ничего не значили. Разговоры были притворством, актом утаивания, как пластиковое дерьмо в подарочной обертке. И еще – тем единственным, что у них осталось.

– Я начну, – выпалила Кэрол, словно поразившись своей же поспешности. Кэрол почти всегда начинала первая. – Всем привет, – произнесла она, помахав группе скомканными платочками.

– Привет, Кэрол, – отозвались доктор Уоллинг и все

остальные (кроме Кесты).

– Когда Энди укусили, я потеряла голову, – всхлипнула она, будто выступала в дневном ток-шоу. – Я ничего не могла сделать, чтобы спасти его. И теперь мне приходится с этим жить.

Доктор Уоллинг сняла свои очки и прикусила дужку – знак, что у нее назрел вопрос, но Кэрол было не остановить.

– Я видела предупреждения от правительства. Их крутили по телику неделями напролет. О симптомах, которые появляются у зараженного: стоны, кровь из глаз. Рассказывали, как сообщить о случившемся по номеру ноль-ноль-ноль, про чертову онлайн-форму. Все просто было... не по-настоящему. Будто в фильме ужасов.

Остальные, согласно забормотав, сочувствующе закивали, пытаясь поддержать Кэрол, столкнувшуюся с техническими трудностями. Они все уже слышали эту историю.

– И что в итоге? Я выпустила его в сад и наблюдала, как его электрошокером загнали в кузов грузовика. Там таких были десятки: женщины, дети. И я больше никогда не видела Энди. Не знаю, что с ним случилось. То есть я знаю, что с ним случилось, *по их словам*. Его застрелили. Выстрелили в голову. Но я не знаю, понимал ли он, что происходит. Был ли напуган? Я была. Я была просто в ужасе. Я сделала это только ради детей. Он больше не был их папой. Я по-прежнему чувствую, что все это – моя вина.

Кэрол ткнула себе в глаза тем, что осталось от платочков,

тихонько всхлипывая. Доктор Уоллинг, чей интерес вновь пробудился при словах о чувстве вины, вернула свои очки на место.

– Почему вы считаете, что это ваша вина, Кэрол?

– Потому что он был моим мужем и я должна была позаботиться о нем, – ответила Кэрол, – а я этого не сделала. Я позвонила на горячую линию. Сообщила, что он заражен. Я схватила Дейзи и Джоуи и заперла входные двери изнутри. А его оставила снаружи. Так он там и хромал один-одинешенек.

Эта история была для них не нова, но то, с какой жгучей болью она прозвучала, застало врасплох всех, даже Кесту. Только представьте: человек, которого вы любите, оставлен умирать в одиночестве, брошен на произвол судьбы. Говорят, выживает сильнейший – вот только не выжил никто. Каждый человек в их круге мысленно вернулся к собственному горю. Кеста сосредоточенно уставилась на колени, будто там мог открыться проход в другое измерение, где она исчезла бы навсегда.

– Кэрол, спасибо, что поговорили с нами об Энди, – сказала доктор Уоллинг, перекладывая свои бумаги и не глядя ни на кого конкретного. – Из слов Кэрол я поняла, что нам нужно смириться *с концом*. – Она театрально изобразила пальцами кавычки. – С концом наших близких. Смерть редко является осознанным выбором. Но ясно одно: то, каким образом вирус унес жизни тех, кем мы дорожили, – и

то, что мы не могли это контролировать, – продолжает причинять нам страдания.

Участники взглянули на доктора Уоллинг, будто ее проницательность вышла на новый уровень, далеко за пределы ее второсортного диплома по клинической психологии. Кеста смотрела куда угодно, только не на доктора Уоллинг. Пока она не была готова говорить. И когда доктор вдруг назвала имя Майкла, а не ее собственное, Кеста ощутила, как от облегчения через ее рубашку проступил горячий пот.

– Майкл, не желаете рассказать нам сегодня об Эдди? О последних мгновениях его жизни? Что скажете?

– Боже, что ж. – Майкл обмахивал лицо руками и виновато поглядывал на членов группы. – Я попытаюсь. Прошу, будьте снисходительны. – Во время терапии на Майкла всегда накатывал жар. – Я пришел домой пораньше из-за вспышки близ Олдгейта, где я тогда работал. И Эдди был на кухне. – Майкл вздрогнул, произнеся имя Эдди, и сердце Кесты сжалось. – Я думал, он хочет сделать чашку чая, пока не понял, что дело не в этом. Он держал чайник над чашкой, но из того ничего не лилось, потому что он был пуст. Эдди потряс его, как детскую погремушку. Затем бросил на пол и, казалось, удивился получившемуся звуку. Он стоял и наблюдал, как тот катится по полу. – Кеста и остальные затаили дыхание, словно надеялись, что история Майкла окончится как-то иначе. – Я спросил его, в чем дело. Подумал, что у него инсульт. Когда он ко мне повернулся, я увидел, что ру-

башка, которую я купил ему на Рождество, была вся в крови и что у него со ртом что-то не так.

– Вывих височно-нижнечелюстного сустава, – громко выпалила Кеста. Остальные уставились на нее. Она все прокручивала эту мысль у себя в голове, и каким-то образом слова вырвались сами собой. – Так было у большинства пациентов. Из-за вывиха их лица вытягивались. – Она неловко улыбнулась Майклу, который смотрел на нее так, будто она только что стянула с себя трусики посреди церкви. Доктор Уоллинг покачала головой, и Кеста слишком поздно поняла, что врачебная прямота вновь подвела ее.

– И все же он пытался заговорить, – стоически продолжил Майкл. – Сознание не до конца покинуло его, и он понимал, что меняется. Думаю, он узнал меня. Люди говорили, что это невозможно, что я не мог ничем помочь ему, и мне остается молиться, чтобы это было правдой. – Дрожа всем телом, он вытер потные руки о джинсы и сделал глубокий вдох. – Позапрошлой зимой мы поставили печь. Мне нравилось наблюдать, как Эдди рубит дрова в нашем маленьком саду. Топором. – Приятные воспоминания невольно вызвали улыбку на губах Майкла, но затем вернулось привычное смирение. – Мне потребовалось шесть ударов. Я никогда не забуду выражение его лица. Но нельзя же позволять страдать тем, кто тебе дорог, правда? Мне придется жить с тем, что я сделал, до конца моих дней. И я бы сделал это снова. Не задумываясь.

– Вы избавили его от страданий, – произнесла Тина, вста-

вая и подходя к Майклу, раскрыв руки для объятия.

– Пришлось держать его голову в раковине, пока за ним не пришли.

– Я знаю. Все в порядке, – кивнула Тина, крепко прижимая его к себе, заглушая своей грудью все, что Майкл, возможно, хотел рассказать о том, как кровь и мозги Эдди водоворотом кружились в сливном отверстии.

По группе прокатилась легкая волна аплодисментов. Кеста не хлопала. Доктор Уоллинг поднялась со своего места и тепло обняла Майкла, пока Тина гладила его по спине. Тина убила сестру садовой лопатой, а неделей позже забила кирпичом мать. Кеста слышала, как вокруг шептались о храбрости Майкла. Когда доктор Уоллинг восстановила порядок и все расселись на свои стулья, Кеста подняла взгляд и увидела, что рука Тины тянется вверх и что та смотрит прямо на нее.

– О, Тина. – Судя по всему, доктор Уоллинг обрадовалась, что нашелся доброволец. – Прошу, начинайте.

Тина нарочито вскинула бровь.

– Я хочу задать вопрос Кесте.

– Кеста, вы готовы ответить на вопрос от группы, от Ти-ны?

Кеста совершенно не была готова. Она кивнула, и доктор Уоллинг сделала знак Тине, предоставляя ей слово.

– Вы работаете в медицине, верно?

Кеста догадалась: что бы она сейчас ни сказала, это будет

неверный ответ.

– Вы доктор или что-то типа того, так?

Кеста пожала плечами. Все зависело от того, с кем она разговаривала. Иногда она говорила «врач», потому что людям было проще это понять. Когда она отвечала «ученый», они, как правило, спрашивали, не следует ли добавить к этому «безумный».

– Так вот, я хочу знать, что конкретно ваша братия делает с нашими деньгами, – продолжила Тина, подавшись вперед, уверенная, что говорит от имени всех. – И почему вы еще не нашли лекарство. Прошло три месяца. Почему так долго?

Одно дело – пережить зомби-апокалипсис, и совсем другое – нести ответственность за то, чтобы он больше никогда не повторился. Как бы глупо это ни было, Кеста действительно чувствовала ответственность. Вообще за все. Постоянно. Она беспокоилась, что запнется, если заговорит, скажет что-то, что сделает ее виноватой или причастной к вещам, которые участникам группы никогда не понять. В их отношениях Тим отвечал за дипломатию и гораздо искуснее общался с людьми, чем она сама. Он на подсознательном уровне знал, что хотят услышать окружающие, и произносил нужные слова независимо от того, был он с ними согласен или нет. Он всегда понимал, что сказать, чтобы Кеста вновь позитивно взглянула на жизнь, на саму себя. Она бы отдала все, чтобы в этот момент услышать его голос, увидеть, как он подмигивает ей – так, как делал это прежде, – заверяя ее, что все будет в

порядке. Но она слышала только собственный снисходительный голос, который хрипло выходил из ее пересохшего рта:

– Я работаю в онкологии, – произнесла она, будто для присутствующих это имело значение, – лечу рак. Еще в сфере патологии и гистологии: эти направления имеют критическое значение для изучения заболевания, но здесь всё... ну... – Она слышала свой запинаящийся голос, пытаюсь описать свою деятельность, рассказать то, что она знала, а они – нет. Надо было просто сказать, что она доктор. – Конечно, я изучала вирусологию, но это другое. У нас нет исходных данных, антигенный сдвиг⁶, если он был, выявить не удалось. Мы, точнее, они...

– Кто они? – спросила Тина.

– Э-э, ну, команда, которая работает над изучением вируса. Проект «Рассвет»...

– То есть не вы?

– Не я, нет.

– Тогда какой от вас толк?

– Ну, как я сказала, я работаю в онкологии, но команда, которой поручили заниматься выделением и лечением вируса, команда проекта «Рассвет»... Они собирают информацию так быстро, как только могут...

– Недостаточно быстро, – встряла Кэрол, раздраженно за-

⁶ Резкое изменение структуры вируса, а именно его поверхностных белков. Такое бывает, например, с вирусами гриппа, когда они меняются настолько сильно, что у иммунной системы человека уже нет против него защиты. Это может привести к эпидемии или пандемии.

кинув ногу на ногу и скрестив руки на груди. Другие соглас-
но загудели. Кеста ощутила, как круг начинает смыкаться во-
круг нее.

– Что правительство собирается с этим делать? – потре-
бовала ответа Тина, тыча в нее пальцем, словно электрохлы-
стом.

– Мы работаем на пределе возможностей, – пробормотала
Кеста.

– Что ж, этого недостаточно, черт возьми! Слишком позд-
но для моей сестры, слишком поздно для моей мамы!

– Тина, в ваших словах я слышу много обвинений не по
адресу... – произнесла доктор Уоллинг, пытаясь вмешаться.

– Откуда нам знать, что это не повторится? – бушевала
Тина. – Где лекарство? У нас есть вакцина? Сколько еще лю-
дей умрет, Кеста?

– ...и злости, Тина. И, вероятно, нарушения личных гра-
ниц. Давайте выдохнем и подумаем, как ваш тон может за-
деть других людей...

– Слушайте, – сказала Кеста, поднимаясь на ноги. Ее всю
трясло. – Я не работаю в проекте «Рассвет», понятно? Я ра-
ботаю в обычной больнице. В *этой* больнице. Мы делаем
все, что в наших силах. Мы добились больших успехов –
ожидаемая продолжительность жизни при разных видах ра-
ка, поражающего наши клетки крови, сильно увеличилась...

– И какой смысл в лекарстве от рака, если мы все станем
гребаными зомби? – спросила Тина.

Глава вторая

К тому времени, как Кеста добралась до бара, уже слегка перевалило за шесть. После произошедшего на встрече она чувствовала себя так, будто ее избили, и все больше убеждалась в мысли, что в ее случае встречи не имели никакого терапевтического эффекта. Она хотела пойти напрямик домой, но сегодня был особый случай. Если повезет, кроме них, там никого не будет. Бар находился в Фаррингдоне, до вспышки эпидемии считался крафтовым местечком, специализировался на джине и носил название «Бухие решения». Теперь же, поскольку он остался одним из немногих баров, которые отважно открылись после отмены комендантского часа – хотя его неоновая вывеска была отключена, а большая часть полукруглых панорамных эркеров заколочена досками, – здесь подавали все, что бы посетители ни пожелали. Кеста пристрастилась выпивать именно тут, потому что по какой-то причине распитие алкоголя в баре казалось не таким мерзким, как дома. Она решила пить и тут, и там, дабы тщательно проверить свою гипотезу.

Перед ней стоял гигант в воющем дождевике, и большая часть его лица была скрыта под маской, закрывавшей рот и нос. Также его лицо защищал мутноватый акриловый щиток. Он поднес ко лбу Кесты электронный термометр – не чтобы проверить, не повышена ли у нее температура, а скорее что-

бы убедиться, что она жива и у нее вообще фиксируется температура как таковая, – и попросил поднять обе руки вверх, а затем наклониться и коснуться носков: доказать, что она полностью контролирует свои движения. Вышибала казался едва ли не разочарованным, когда она прошла проверку и ему пришлось пустить ее внутрь.

Оказавшись в помещении, Кеста облегченно вздохнула, увидев лишь нескольких одиноких выпивох, разлагающихся по разным углам. Джесс, разумеется, сидела в самом центре бара, вытянув ноги в туфлях на каблуках на соседний стул, который она специально застолбила для Кесты, несмотря на очевидное отсутствие конкуренции. Джесс не стеснялась занимать пространство. Ее всегда было так много, что хватало на всех. В общем, она была патокой в человеческом обличье.

Наряд Джесс складывался из черного платья-рубашки и шпилек, и это при том, что она, должно быть, пришла сюда прямоком из хирургии. Ее извечное самодовольное выражение лица изменилось в тот миг, когда она заметила Кесту, замаявшую у входа. Вот что было особенно странно в смерти. Некоторые готовы были расплакаться лишь потому, что случившееся с тобой пока не произошло с ними.

– Господи, да я совершенно бесполезна! – всхлипнула Джесс, утирая нос тыльной стороной ладони.

Она приподнялась, облокотившись на зеркальную барную стойку, и ее тут же озарили десятки крошечных огоньков – отражений лампадок, расположившихся по всей стойке, и

высоких свечей, занимавших на полках те места, куда еще не успели водрузить бутылки со спиртным. Джесс словно светилась. Она напомнила Кесте тех кукол, что были символом Дня мертвых, они с Тимом видели таких в Мексике во время медового месяца. Раскинув в стороны руки и сверкнув зубами в свете свечей, Джесс бросилась к Кесте и чуть не задушила ее в объятиях. Обняв ее в ответ, Кеста подумала, что Джесс, кажется, почти того же роста, что и Тим. На секунду Кеста поддалась этому обману чувств и притворилась, что вновь обнимает мужа.

– Я уже начала переживать, что ты снова не придешь, а потом вспомнила, что у тебя сегодня собрание, – сказала Джесс. Тут она просияла, и ее слезы сразу высохли. – Так что я заранее заказала бутылочку. – Она скользнула обратно на свое место, чтобы как следует осмотреть Кесту, которая, ощущая, будто ее разглядывают под микроскопом, разгладила свою джинсовую рубашку и взбила неровную челку. Затем вежливо улыбнулась бармену, который не обратил на нее никакого внимания. – Ты же не прочь выпить вина? – уточнила Джесс.

– Вообще-то я решила бросить пить до Рождества, – ответила Кеста с фальшивой улыбкой. Джесс, казалось, пришла в ужас. – Прости, нет, оговорилась. Я решила все бросить. И пить до Рождества. – Шутка не зашла. «Стоит прикладывать больше усилий, чтобы достойно выглядеть на публике», – подумала Кеста. Быть нормальной, общительной. Тим

бы подмигнул ей и предложил расслабиться.

– Ты выглядишь уже не так дерьмово, как в прошлую нашу встречу, – заметила Джесс, прищурившись и бросая взгляд на Кесту, пока щедро разливала алкоголь. – Ты что, даже чуть-чуть набрала?

– Да, думаю, набрала, – солгала Кеста.

– За нас, детка.

– Да, за нас.

Кесте пришлось держать свой бокал двумя руками, и от первого глотка она зашлась кашлем. Джесс подозвала бармена одним движением руки, и перед ней материализовался стакан воды. Она пододвинула тот Кесте. Потом постучала чернильно-черными ноготками по барной стойке.

– Мне стоит спросить тебя о терапии или на сегодняшний вечер эта тема – табу?

– Всё, как и каждую неделю, – пожала плечами Кеста, – все мертвы. Все из-за этого грустят. Затупившиеся ножи только усложняют обезглавливание.

– Чертово правительство просто обязано снабжать их всех бесплатной выпивкой, – фыркнула Джесс. – Вообще-то я и правда подумывала о том, чтобы прописывать спиртное у себя в хирургии. Большинству моих пациентов достаточно будет как следует выпить, чтобы забыть о произошедшем.

– И какой уровень смертности среди пациентов в твоём отделении?

– Да пошла ты. Я великолепный врач! – прыснула Джесс.

Для всех знавших Джесс оставалось загадкой, почему она стала терапевтом. Она терпеть не могла детей и стариков – хлеб насущный любого врача. Она была брезглива, заносчива и неспособна ни к чему относиться серьезно. То, что случилось с Тимом, стало исключением. Это ее отрезвило.

Она жаловалась на то, что сотрудники ее хирургического отделения на больничных. На свою загруженность и на то, что жизнь после окончания вспышки, по ее мнению, недостаточно быстро возвращается в нормальное русло. Бармен продолжал ухмыляться ей, вытирая бокалы, которые уже стали сухими. Было сложно не поддаться чарам Джесс. Она была заразительна. Кеста ее толком не слушала. Думала о том, как, должно быть, приятно идти по жизни, будучи Джесс, с таким непринужденным характером, которым сама Кеста не обладала и который так органично сложился из разных черт в единое целое. Джесс излучала врожденную уверенность. Кеста тоже что-то излучала, но в ее сиянии, вероятно, содержался радиоактивный калий, который имел определенную зону поражения.

У бармена в кармане штанов зажужжал телефон, и он исчез в дальней комнате, чтобы ответить.

Теперь, когда горизонт был чист, Джесс склонилась к подруге.

– Есть какие-нибудь новости, – прошептала она, – сама знаешь о чем?

Кеста покачала головой.

– Нет, ничего, – выдохнув, ответила она.

– Но ты же наверняка должна была попасть в список? С твоими-то навыками!

– Может, была еще тысяча заявителей. Может, моей квалификации не хватает. Я не знаю. В любом случае остается только ждать, пока что-то произойдет.

– А ты никогда не умела ждать, – подхватила Джесс, – но ты обещаешь, что расскажешь мне, если что-нибудь узнаешь, да? Не желаю, чтобы ты хранила от меня грязный секретик.

– Обещаю, что расскажу.

– Seriously, мне кажется, тебе нужно позволить себе выдохнуть, детка, – продолжила Джесс, потягивая вино. – Тебе и так пришлось нелегко. Не нужно думать, будто ты обязана в одиночку возглавить проект «Рассвет». – Она снова многозначительно прошептала это название, белки ее глаз сверкнули в полумраке. – Спасение мира – не твоя работа. Так ведь?

Вообще-то у Кесты не было ответа на этот вопрос.

Она спала и видела, что работает в проекте «Рассвет». Даже не так. В своих снах Кеста видела, как она бежит, падает, охотится, преследует, как преследуют ее, как охотятся за ней, а иногда – как она выдавливая незнакомцам глаза собственными пальцами. Как-то раз – чайной ложкой. Сны Кесты были мрачными, кровавыми и ужасно тревожными, и у доктора Уоллинг не ушло бы много времени на то,

чтобы разгадать их скрытый смысл, поскольку он лежал на поверхности. Проект «Рассвет» найдет лекарство. Так им всем пообещали. И тогда кошмар наконец закончится.

Кеста предавалась мечтам о работе в проекте «Рассвет», когда в три часа ночи вглядывалась в пустоту широко распахнутыми глазами, то есть почти ежедневно. Она думала об этом проекте каждый день, когда плелась на работу, представляя себя у микроскопа, рассматривающей в окуляр свое открытие, свою «эврику». Она размышляла о нем и в самый разгар дня, и временами ее горячечные блуждающие мысли вырывались наружу где-то между кабинетом патологоанатома и торговым автоматом в приемной. Кеста вдруг начала рассказывать о своих гипотезах женщине, работающей в администрации больницы, которая разделяла ее страсть к дневному перекусу «Твиксом», ведь это не давало сахару в крови сильно упасть. Кеста делилась собственными теориями о природе зомби-вируса: иногда дело было в аномальном изменении селезенки, иногда – в ретровирусе, который, вероятно, разносили крысы, – и женщина вежливо кивала и повторяла Кесте то, что говорила всякий раз, когда это происходило: что она работает в управлении человеческими ресурсами и у нее нет никакого медицинского мнения по этому вопросу.

«Но я вот человек, и мои ресурсы совершенно не используются по назначению», – думала Кеста, пока женщина пятилась от нее с остекленевшим взглядом, пряча «Твикс» за

спину, будто в первую очередь Кеста набросилась бы на него.

— Конечно, то, что произошло во время вспышки, чудовищно, — продолжала Джесс. — У моей племянницы была котоньянка, и она получила пулю в задницу. Та предназначалась зомби позади нее, но скрикошетила от зеркала заднего вида и чирканула ей по пятой точке. Наш почтальон умер на лужайке перед моим домом. И это было жутко. Каждый день было все больше заражений, все больше смертей, с которыми приходилось иметь дело. Разве все это можно просто забыть? Только вот не все потеряли своих мужей!

Было очевидно, что Джесс пожалела о сказанном, как только слова слетели с ее пьяных губ. Она отставила бокал вина на барную стойку.

— Знаешь, Кеста, я так тобой горжусь, — произнесла она, вновь заплакав. — Ты единственная из всех моих знакомых потеряла любовь всей своей жизни. И при этом ты так хорошо справляешься!

Бармен положил стопку бумажных салфеток на стойку между ними. Джесс схватила сразу все.

— Прости, — рыдала она, аккуратно промакивая ресницы. — Просто я так по нему скучаю.

— Знаю. Я тоже.

— Дело все в том, Кеста, — всхлипнула Джесс, — что он наверняка желал бы тебе счастья. Ты сможешь когда-нибудь вновь стать счастливой?

Кеста ничего не ответила. Лишь кивнула и улыбнулась.

Люди понятия не имели, о чем мечтал Тим, и все же теперь почему-то преисполнились решимости объяснить ей, что он бы хотел, чтобы Кеста жила дальше.

– У вас было двадцать прекрасных лет.

«А должна была быть целая вечность».

– Тебе так, так повезло, что ты вообще встретила его.

Кеста не чувствовала, что ей повезло. Совсем наоборот.

– Надеюсь, ты знаешь, что я всегда рядом, всегда, – убедительно проговорила Джесс и добавила: – И понимаю, через что ты проходишь. – Хотя она абсолютно не понимала, через что проходит Кеста.

– Спасибо, Джесс.

– Тогда, может, тост? – предложила она, поднимая бокал. Кеста ощутила, как у нее скрутило живот. Она не хотела произносить гребаный тост. Такая церемонность казалась показушной. Но она вынуждена согласиться. – За Тимоти Шелли! – объявила Джесс, и голос ее дрогнул. – За нашего любимого Тима. Нашего дорогого, сумасбродного, восхитительного, безрассудного, остроумного, невероятного старого доброго Тимку. Сегодня должен был быть твой тридцать девятый день рождения. Мы безмерно тебя любим, чествуем тебя и чертовски по тебе скучаем.

– Я люблю тебя, Тим, – сказала Кеста и залпом допила все, что оставалось в ее бокале.

Сгушались сумерки, когда Джесс села в метро, укатив в направлении зеленых холмов Хэмпстеда, а Кеста возобно-

вила свой долгий путь до Уоппинга. Снаружи «Бухих решений» собралась группка скорбящих, скучковавшихся вокруг множества фотографий, свечей и цветов, которые увядали за коваными воротами рынка Смитфилд. Кеста остановилась, наблюдая за их молчаливым бдением по тем, кто, вероятно, пал здесь и чьим телам было отказано в достойном погребении. Скорбящие жались друг к другу, плакали, пульсируя, как ганглиозные клетки⁷ в объективе ее микроскопа. Казалось, никто из них больше не походит на человека, и Кеста – меньше всех. Вот что делает горе. Оно вырывает из человека огромные куски, а то, что остается, регенерирует в жалкое подобие того, что существовало прежде.

Воздух в Лондоне теперь казался холоднее, будто в городе не хватало людей, чтобы поддерживать тепло. Вдалеке Кеста разглядела пару паркующихся полицейских фургонов: их синие огни беззвучно мигали. Шесть офицеров выскочили наружу, как городские лисы, для патрулирования района – просто на всякий случай, с изголодавшимися пистолетами, закрепленными у пояса. Никого не кусали уже три месяца. Всех зараженных отловили – армия, полиция и близкие жертв – и уничтожили. Другого выхода, чтобы остановить распространение, не было. Убей, или тебя убьют. Офицеры издали наблюдали за скорбящими, что-то бормоча в рации,

⁷ Нейроны, расположенные в ганглиях (скоплениях нервных клеток за пределами центральной нервной системы) и выполняющие функцию интеграции и передачи нервных импульсов.

которые потрескивали в ответ. Кеста слепо уставилась вперед, когда шла мимо них. Передовая – ужасное место. Все остальные могли позволить себе роскошь непонимания.

Лондон распростерся перед ней – утопленник, выловленный в русле реки, безвольный и обнаженный, укрытый простыней из облаков. Это был уже не тот город, в котором Кеста выросла. Этот город находился в терминальной стадии, жизнь из него вытекала по многим милям древних сточных труб, через эстуарий Темзы и дальше, в Северное море. Направляясь к Барбикану, проходя мимо заброшенной станции метро и двигаясь на восток, она пересекала разделительные полосы на дороге вплоть до самой Олдерсгейт-стрит, и ни одна машина ей не помешала. Ей указывали путь красные буквы З, выведенные красками из баллончиков на дверях и окнах зданий, пораженных вирусом. Правительственные плакаты, цепляющиеся за стены, изорвались и стали нечитаемыми. Огромные билборды заливали светом кольцевую развязку, предупреждая людей: «Оставайтесь дома». Листовки и брошюры, отпечатанные и написанные от руки, забили водостоки вдоль тротуаров. Церкви, предлагающие убежище. Инструкции по самообороне от военных. Самодельные объявления о пропавших: их выжидающие лица, уже замаранные следами чужих ботинок, пятались на Кесту с земли с неусыпной надеждой, что их найдут. Флаеры евангелистов, провозглашающие конец времен и сообщающие, что все нужные ответы можно получить на горячей линии

всего за 6,99 фунта в минуту. Улицы были сплошь покрыты пережитками кризиса – все лежало там, где упало: в дверях закрытых магазинов и кафе, где в прежние времена могли спать бездомные. Кеста прошла мимо старого паба, двери и окна которого по-прежнему были заколочены. Где-то в глубине горел одинокий огонек, только вот гореть ему было не для кого. В Лондоне не осталось бездомных. Они погибли одними из первых.

* * *

Возвращаться домой, где тебя никто не ждет, было тяжелее всего. Пока она не повернула ключ в замке, оставалась полная надежды доля секунды, что он все еще такой, каким она его помнила. Квартира казалась совсем пустой без его бесконечной болтовни, его звучного баритона, предназначенного скорее для улицы или студенческого бара. «Давай потише, бога ради, мы же в квартире, – обычно говорила ему она, – соседи тебя услышат». Тим одаривал ее той самой улыбкой, которая была ее единственной слабостью, и продолжал так же громко, как и прежде. Вот ее голос подходил для закрытых помещений. Но без Тима он едва ли был громче шепота. Чего бы она теперь только ни отдала, чтобы снова смутиться от его невероятно громкого голоса.

Шторы в гостиной были закрыты – вот уже пять месяцев. Сначала говорили, что свет привлекает *их*, и все задержали

шторы и послушно ждали, когда все закончится. Она привыкла закрываться от мира, потому что обезьяньи кривляния – на работе, на сеансах терапии, перед людьми, которые пытались вовлечь ее в разговор в супермаркете или парке, – изматывали ее.

Она подошла к холодильнику и вынула бутылку белого вина, оставшуюся со вчерашнего вечера, и картонную коробку со средней полки. Если не считать пинты молока и пачки молотого кофе, холодильник был так же пуст, как и квартира. Кеста не готовила; это любил делать Тим. Теперь ей было тяжело есть дома.

К тому же холодильник в основном был заставлен пакетами с кровью. Первая положительная. Ее собственная. А рядом выстроились крошечные стеклянные пробирки – на полке для яиц. Она налила себе бокал вина, достала из картонной коробки круглый лимонный бисквит и выложила его на тарелку, а затем порылась в кухонном ящике со всякой всячиной в поисках того, чего, как она думала, могло у нее и не остаться. Но они были на месте: маленькие розовые свечки, закатившиеся в дальний угол и теперь лежавшие между фонариком, переходником и мелками. С нижней полки тележки для напитков, стоявшей в гостиной, Кеста вытащила самый симпатичный чайный поднос из имевшихся в ее распоряжении и разложила на нем свою жалкую трапезу.

Оставив поднос на столике в коридоре, она принялась открывать четыре черных засова на двери гостевой спальни –

это было непросто.

В комнате царила крошечная тьма, если не считать красных, желтых и синих отблесков медицинского монитора, которые отбрасывали жутковатую радугу на кровать: словно детский ночник. Нерегулярное попискивание и механическое жужжание убедили Кесту, что какая-то жизнь еще теплится. Она записала показатели в блокнот, который держала на прикроватном столике: пульс, уровень кислорода, температуру тела. Ни один из них не был в норме, но, по крайней мере, они оставались на прежнем уровне. Кеста вернулась в коридор за подносом и скользящим движением поставила его на столик.

Один желтый глаз наблюдал за ней. Он смотрел, но не видел и никогда, никогда не моргал. Посеревшая рука взметнулась, несмотря на наручники, но вновь упала, признавая поражение. Вся ярость уже успела покинуть это тело, и теперь оно представляло собой картину величайшего страдания. Поза его была неестественной: марионетки с обрезанными веревочками. Паутина лопнувших сосудов, шелушащаяся кожа, туго натянутая и синюшная. Каждая клетка словно билась в агонии. Но не было ни боли, ни звука, ни прогресса, который Кеста могла бы отметить у своего пациента.

Она зажгла свечи на торте, а затем показала его Тиму.
– С днем рождения, любимый.

Глава третья

Торт был ошибкой. Кеста воображала, что, если споет Тиму поздравительную песенку и попытается отметить тот факт, что он так долго держится – и ему даже исполнилось тридцать девять, – что-нибудь внутри него всколыхнется, знакомый ритуал вызовет хоть какую-то реакцию. Кестачученый знала, что подобные внезапные улучшения просто несовместимы с состоянием Тима, но Кеста-жена все равно запела – хотя и плохо, – и внесла в комнату мужа живой огонь. Там она с удивлением обнаружила, что он скалит зубы – испугался, что она его подожжет. То, что он оказался не в состоянии задуть свечи, ее не удивило. Кеста почувствовала себя глупо, и ей стало стыдно, поэтому она сама дунула на пляшущие огоньки и съела половину торта, усевшись на пол. Вскоре после этого она отправилась в кровать и разрыдалась, уткнувшись в подушку и молясь об одном: если он и слышит ее через стены, то пусть хотя бы не понимает, что именно он – причина ее горя. В ту ночь Кеста не спала; она вообще спала редко. Вместо этого она прислушивалась к тому, что делает Тим, и прокручивала в голове мгновения их некогда счастливого брака.

Когда наступило утро, Кеста остановилась в дверях и уставилась на мужа. Было невозможно сказать, спит он или нет, потому что его глаза всегда были открыты, всегда внимательно-

но глядели на нее в ответ. Неморгающие. Пугающе желтые. Практически лишённые эмоциональности и живости.

– Доброе утро, любовь моя.

Она поцеловала его в лоб и попыталась припомнить, как он пах до того, как коктейль из лекарств переменял его запах. Из-за него воздух в комнате был густым и отдавал металлом, будто из каждой поры Тима сочился жжёный сахар. Кеста открыла окно, чтобы впустить немного воздуха, но не стала раздвигать шторы. Они поднимались и опадали, мягко хлопая по раме, подхваченные ветерком, как воздушный змей.

– Ар-р-р-р-рг, – прорычал Тим. В текущей ситуации на большее она и надеяться не могла. Вот уже несколько месяцев, как их брак свелся к примитивным проявлениям человеческого общения, и она утешала себя тем, что раз так, то он не сильно отличается от прочих.

– Тебе бы не помешал свежий воздух, – произнесла она, осматривая кожу под наручниками, которыми пристегивала его к батарее. Все запястье было в язвах. Кеста задумалась, потерпит ли он, пока она обрабатывает раны, и получится ли таким образом предотвратить заражение. – Болит, да? – спросила она. Тим уставился на нее невидящим взглядом. Попытался поднять поврежденную руку и вздрогнул, когда обнаженная плоть коснулась металла. – Все в порядке, мы что-нибудь придумаем. – Кеста взяла с прикроватного столика планшет и ручку и принялась записывать дату и время.

* * *

«Изъязвление дермы из-за трения о металл.

Рассмотреть вариант с некрэктомией⁸. Понадобится скальпель».

* * *

– О, и надо не забыть спросить у Альберта, не одолжит ли он мне вентилятор.

Каждые несколько часов Кеста осматривала тело Тима сантиметр за сантиметром в поисках зацепок и фиксировала свои наблюдения на листе А4. Она купила папку на кольцах. Текстовыделитель. И перевернутые часы, какие медсестры прикалывают к себе на грудь. Впрочем, ей удалось использовать их только раз, поскольку Тим попытался схватить их, а затем съесть. Она анализировала и записывала показатели его активности, выраженность болевого синдрома, степень помутнения сознания, силу мышц и степень подвижности. Она знала, что в таких случаях изменения не обязательно сигнализируют об улучшениях, но старалась не слишком беспокоиться из-за каждого ухудшения в состоянии ее пациента. Изменения означали, что Тим все еще жив, – ну, в

⁸ Очищение раны от нежизнеспособных тканей.

некотором роде, – а по-настоящему ее волновало только это. Кеста понимала, что не сможет вылечить Тима в одиночку. Она еще не совсем помешалась. Ее план, если его можно так назвать, состоял в том, чтобы сохранить мужа в наилучшем из возможных состояний не-жизни до тех пор, пока ей не позвонят и не предложат присоединиться к проекту «Рассвет», пока кто-то из них не найдет лекарство. Разумеется, ей придется придумать, как преподнести новость о зомби, которого она месяцами скрывала от властей – что само по себе являлось преступлением, – новым коллегам, но это была проблема будущей Кесты. Одномоментно она могла переживать только о чем-то одном.

Постоянно следить за режимом приема лекарств было настоящим испытанием. Она использовала препараты, уменьшающие боль; те, что помогали Тиму расслабиться; препараты, чтобы предотвратить сгущение крови, и препараты, чтобы предотвратить ее разжижение; лекарства, не дающие его телу отвергнуть ее собственную кровь, которую она переливала ему раз в неделю. Регидратационные растворы, заменители пищи, которые по сути своей являлись лекарствами, замаскированными под еду. Три месяца проб и ошибок, страха и упорства прошли в этой комнате, сопровождаемые множеством наблюдений, ожиданий и молитв. Итог всех ее усилий: Тим по-прежнему был с ней, по крайней мере в определенном смысле. Кесте этого было достаточно. Хотя его собственное восприятие происходящего могло сильно отли-

чаться.

– Если получится, постараюсь вернуться домой к обеду, – сказала она, послав ему воздушный поцелуй, а после заперла все засовы и отправилась в больницу.

Лондон – упрямый город. Мор и чума, густые желтые туманы, годы бомбежек, уничтожающих все на своем пути, и великих пожаров, ровняющих с землей все вокруг, не приглушили его сияния. Но даже у такого нестигаемого города есть предел того, с чем он готов мириться. Лондон нуждался в том, чтобы его вновь наводнили толпы людей – дабы создать иллюзию, что он идет на поправку. Дабы доказать, что все вернулось в норму.

То же самое касалось и Кесты. Несмотря на то что она хотела бы спрятаться в своем доме под десятислойным одеялом, сотканным из ее собственной скорби, эта роскошь была ей недоступна. Чтобы хранить существование Тима в секрете и успешно поддерживать его состояние не-жизни, ей нужно было убедительно притворяться прежней собой. А это значило ходить на работу.

Здание больницы, в котором работала Кеста, являло собой пережиток шестидесятых. Четыре этажа темного кирпича, медная крыша, позеленевшая от времени. Тяжело подающиеся и вечно запотевающие, какой бы ни была погода, окна в металлических рамах. Металлические же перила, выкрашенные в черный и гипнотизировавшие своими причудливыми завитками, вели наверх, к прямым, рационально

проложенным одинаковым коридорам, за которыми располагались лаборатории, где витали запахи латекса, формальдегида и бутанола, соревнующиеся друг с другом за возможность выжечь дотла слизистую глаз. Для Кесты это был запах дома, хотя в нынешней ситуации – в слишком буквальном смысле.

К тому моменту, когда она добралась до работы, едва перевалило за семь, и лаборатория казалась такой же вымершей, как и морг. Сам морг находился в подвале. Составить ей компанию было некому, разве что клеткам на предметном стекле перед ней и телам в морозилках тремя этажами ниже. Кеста предпочитала начинать работу пораньше, до того, как здесь появлялись отвлекающие ее коллеги, люди, заполнявшие собой все пространство, которое требовалось ей для размышлений и анализа. Она накинула белый накрахмаленный халат и склонилась над электронным микроскопом, чтобы оценить клеточные профили.

Микроскоп всегда знал ответы. Он предсказывал будущее. Он вершил судьбу. Он одновременно нес в себе надежду и смерть, сжимая их одной беспристрастной рукой. Микроскоп никогда не лгал при увеличении в триста пятьдесят раз. С расстояния изображение в рыбьем глазу окуляра казалось зернистым и расплывчатым. Но вот перед ней расцвели пятна, окрашенные с помощью гематоксилина в синий⁹:

⁹ *Гематоксиллин* – природный краситель, который окрашивает ядра клеток в сине-фиолетовые тона. Позволяет четко видеть под микроскопом базофильные

слишком прекрасные, чтобы свидетельствовать о раке, пульсирующие и светящиеся, и все же – вот она, природа в своем самом смертельном великолепии.

Скажи, что ты видишь.

«Карцинома, развившаяся из эпителиальной ткани почки. Нечеткие границы. Четвертая стадия, степень дифференцировки не определена».

Кеста вздохнула. Пациент не выживет.

Краем глаза она увидела, как загорелся экран ее телефона. Сообщение от Джесс: «Так здорово было увидеться. Удалось ли тебе выспаться? Когда снова пойдем выпить?» Кеста потерла глаза. Она не могла уделять внимание Джесс в перерывах между пациентами. У нее не было сил на то, чтобы выдавить ответ, чтобы писать о том, чего она не чувствовала, не было сил даже на маленькую вежливую ложь в виде эмодзи, которая скрывала куда бóльшую, размером с человека. Кеста поместила под микроскоп второе стекло, закрепив его зажимом, и прищурилась.

На нем виднелись узоры, выведенные сверхъестественной рукой. Они светились под действием флуоресцентной краски, мастерски нанесенной самой Кестой. Интерфаза. Профаза. Метафаза. Деление, утолщение и скручивание. Мембрана ядра теряет целостность, начинает распадаться. Внезапно ее осенило. Она сама сейчас пребывала в состоянии митоза, разрушаясь и делясь надвое. Новая версия Кесты отдели-

лась от первоначальной, переняв все отличительные черты оригинала, но став чем-то другим, чем-то совершенно иным. Две Кесты должны существовать как одно целое: горющая вдова на работе и ухаживающий за зомби ученый дома.

Кеста окинула взглядом останки своей прежней жизни, разложенные на ее рабочем месте, как подношения. Дневник, который Тим подарил ей на прошлый день рождения и в котором ей так и не выпал шанс что-нибудь записать. Стопка выцветших бумаг – административные документы и армия их компаньонов: ручки, карандаши и степлер. Пара скрученных между собой резинок: между ними были зажаты несколько ее волосков. Тонкая серебряная фоторамка: Тим в черном смокинге, фото с их свадьбы – отличное, особенно учитывая, что ее на снимке не было.

Разлука с Тимом в течение дня была пыткой. У нее ушло некоторое время, чтобы вновь научиться концентрироваться, не позволять мыслям по спирали скатываться в негатив там, где должна править врачебная невозмутимость. Она установила веб-камеру в гостевой спальне и приложение на телефон, которое позволяло ей следить за Тимом, пока она на работе. Запустив приложение, она подождала, пока цветной кружок перестанет крутиться и запустится прямая трансляция. Если бы не медицинский монитор, наручники и пустой взгляд, Тим мог бы сойти за спящего. Она была уверена, что благодаря седативным препаратам он будет спокойным и тихим большую часть дня. Но все же однажды насту-

пит мрачная неизбежность: у него разовьется устойчивость к препаратам, которые она ему дает. Каждый раз, когда Кеста открывала приложение и ждала загрузки трансляции, ей казалось, что ее внутренности крутятся, как на отжиме в стиральной машине.

Она провела целый час, разбираясь с накопившимися образцами. Сразу после восьми ее коллега Клэр протиснулась в распашные двери, до самого носа закутанная в зимнее пальто и шарф. Она была похожа на мумию, хотя стоял июль. Клэр говорила, что в Хайнолте, где она по утрам садилась на поезд, всегда было холодно, и, поскольку Кеста никогда не бывала в Хайнолте, она не собиралась с ней спорить. Музыка в наушниках Клэр играла так громко, что Кеста слышала ее со своего места.

– Доброе утро, дорогая! – крикнула Клэр.

Предполагалось, что они одинаково высококвалифицированные специалисты, два ученых-биомедика, лучшие в своем деле, но Кеста давно заметила, что львиная доля рабочего дня Клэр уходит на приготовление кофе, личные телефонные звонки и перекладывание большей части дел на Кесту.

– Ты гораздо лучше справляешься с иглами для образцов, чем я, – сказала Клэр, грохнув кружкой свежесваренного крепкого кофе о стол Кесты с такой силой, что он расплескался в опасной близости от микроскопа. Кофе был любимой формой подкупа Клэр. – Ты ведь не против? В холодильнике, у раковины.

Над раковиной в лаборатории, вдоль подоконника, располагалась коллекция разнообразных диковинок. От них бы следовало избавиться, но Дадли рьяно их оберегал. Многие считали это дурновкусием, а в других больницах доходило до судебных разбирательств. Некогда подобная коллекция демонстрировала мастерство собравшего ее ученого. Никто не знал, кто выставил эти экспонаты, – судя по степени разложения, это было сделано десятки лет назад. Они всегда здесь были, замершие в формальдегиде. Яичник не больше миндального ореха, зажатый в зубах тератомы, и прядь светлых волос, нежно обвивающая его. Поперечный срез легкого, застывшего без возможности вдохнуть, и тянущие свои желеобразные щупальца бронхиолы. Любимчиком Кесты был идеально сформированный эмбрион, ребенок размером с ее большой палец, с пальчиками на руках и ногах, гладкий, бледный и без единого изъяна, застывший во времени, бессмертный и нерожденный. Это был венец творчества, заключенный в одноместную стеклянную утробу. Заметив, что на ребенка падает слишком много солнечного света, Кеста осторожно передвинула банку на другую сторону, позволяя другим образцам принять удар на себя. Она нашла оставленные Клэр стекла с материалами и перенесла их на свой стол.

Его появлению предшествовал скрип линолеума – патологоанатом Дадли Кэринг распахнул двери носком коричневого лофера и, пошатываясь, вошел в лабораторию, погре-

бенный под горой папок из плотного картона.

– Доброе утро, дамы! – поприветствовал он, а затем застонал, когда папки рухнули на его стол. – Только посмотрите на все эти бумажки! Мне нужно проштудировать все до междисциплинарного совещания в полдень. – Дадли поправил галстук, который носил всегда, хоть он и постоянно мешал ему, что бы он ни делал.

Как и Кеста, Дадли был трудоголиком и при этом – самым опытным патологоанатомом из всех, кого она знала. В тех сферах жизни, которые он считал менее значимыми, чем рассечение мертвых тел в поисках того, что их убило, – а это были все прочие сферы жизни Дадли, – он вообще не прикладывал никаких явных усилий. Однажды, когда он недоглядел за своим собственным галстуком и тот опустился в грудную полость особенно обезображенного трупа, он просто его обрезал. Кеста подозревала, что галстук так и остался в мужчине, когда Дадли его зашивал. «Дадли – призрачное знамение твоего будущего, если ты разведешься с Тимом», – злорадно пророчествовала Джесс, когда познакомилась с Дадли на рождественской вечеринке в лаборатории несколькими годами ранее, и тот попотчевал ее длинным рассказом о симпозиуме по раку груди, на котором недавно побывал в Дерби.

– Кеста, мне надо с тобой поговорить. Это важно, – сказал он, не глядя на нее. Кеста часто задумывалась, каково это – видеть мир глазами Дадли, учитывая, что ему было неверо-

ятно тяжело смотреть людям в глаза: и мужчинам, и женщинам, и его взгляд всегда блуждал по телу, никогда не осмеливаясь подняться к лицу. Возможно, именно по этой причине он был таким блестящим патологоанатомом.

Телефон на рабочем месте Кесты зазвонил, прерывая их. Она взяла трубку и заметила, как на лице Дадли отразилось разочарование. Разговор придется отложить.

– Отделение патологии, слушаю.

– Ты сказала, что это ганглиоцитомы. И ты была права, – раздался голос на том конце провода.

– Доброе утро, мистер Пафидес.

– Все остальные думали, что это анаплазия, диффузная опухоль, но ты была непреклонна. У тебя на такие вещи шестое чувство срабатывает, так, Кеста?

– Как прошла операция, Паф?

– Очень кроваво, но чертовски хорошо, благодарю, – ответил он с той самой бесцеремонной уверенностью, свойственной людям, что сажают самолеты, отправляют в бой других и приравнивают ковыряние в чужом мозге в поисках опухоли к нашариванию жвачки на дне чужой сумки. – Убрали все за один заход. Парень теперь пойдет на поправку.

– Рада это слышать, – произнесла Кеста. – Сегодня мне нужна была хоть капля хороших новостей.

Когда она положила трубку, Дадли вскочил и подошел к ее столу, не успевая она и слова сказать.

– Мне нужно с тобой поговорить, – прошептал он, а затем

бросил полный недоверия взгляд на Клэр. Его лицо приобрело тревожный багровый оттенок. Он оперся на рабочий стол Кесты и начал наглаживать пальцами ящики, будто мог нащупать там правильные слова, напечатанные шрифтом Брайля.

– Слушай, Клэр, – окликнула ее Кеста, – я только что вспомнила, что внизу одна нога ждет не дождется, когда ее заберут из морга.

– А Фил не может?

– Фил мертв, дорогая, припоминаешь? Кажется, в мире случился зомби-апокалипсис или вроде того.

– Черт, я забыла про Фила. Бедняжка Фил. Пойду схожу. – Клэр неторопливо вышла из лаборатории, сетуя на гибель их бывшего ассистента, а Кеста провожала ее взглядом, пока распашные двери не захлопнулись.

– Я просто хотел сказать тебе, что снова связался с проектом «Рассвет», но они пока ничего не решили, – прошептал Дадли. – Мне жаль.

Кеста пожала плечами.

Как только правительство объявило о создании специальной исследовательской группы для изучения происхождения вируса, Дадли тут же подал заявку. Кеста узнала, что он сделал это и от ее имени, только спустя месяц после предположительной смерти Тима. Тогда он сказал ей, что не хотел тревожить ее подобными новостями, пока она находится в трауре, будто четырех недель было вполне достаточно,

чтобы кто-либо мог как следует оправиться после чудовищной кончины спутника жизни. В конце концов Кеста смирилась с тем, что, по всей вероятности, это была неуклюжая и неуместная попытка Дадли помочь ей. Он решил, что ее нужно занять делом, но и представить не мог, насколько она уже занята.

– Так как ты держишься, – спросил он ее, – если честно?

– Так же, – ответила она.

– Ни лучше ни хуже?

– В общем-то, да. – Кеста попыталась вернуться к микроскопу, но его рука оказалась на ее плече и сжала его.

– Что ж. Ну, ты знаешь, где меня найти, – пробормотал Дадли, – если тебе что-то потребуется.

– Вон там. – Она указала на его стол.

– Да. Да, точно. Я всегда там.

Дадли прошаркал обратно к своей горе бумаг и снова принялся копаться в папках. Кеста повернулась к микроскопу, но что-то было не так. Она не заметила, как это случилось. Дадли действовал, как полтергейст. Фотография Тима лежала лицом вниз на ее столе. Такое происходило уже в третий раз с тех пор, как она объявила всем, что он умер. Кеста ощутила, как вспыхнуло ее лицо. Она протерла рамку рукавом халата и вернула ее на прежнее почетное место, а затем провела рукой по плечу там, где только что лежала ладонь Дадли.

Медленно протекали часы, меняя небесные краски одну за другой. Несколько мазков крови, кусочек трахеи, полупрозрачный срез тонкой кишки – разложенные на стеклах, оцененные и изученные. Глаза Кесты постепенно начали уставать от постоянного вглядывания в микроскоп. Пока Дадли готовился к междисциплинарному совещанию, а Клэр пыталась понять, с чего начать секционирование отрезанной ноги, Кеста подумывала спуститься в хранилище – хотела поискать крем со стероидами для Тима.

– Похоже на немецкую сосиску, правда? – воскликнула Клэр. – Ну, если не обращать внимания на стопу, конечно. О, добрый день, могу я вам помочь?

Женщина в черном костюме с юбкой стояла в дверях, и ее голос, как луч фонарика, рыскал по помещению, ослепляя всех, кого касался.

– Миссис Шелли?

Кеста не посмела повернуться. Она ощутила, как холод разлился по ее шее. Пальцы вцепились в стул, на котором она сидела. *«Они знают, – подумала она, – вот каково это, когда тебя разоблачают».*

– Я ищу... миссис Шелли, – повторила женщина, когда ей никто не ответил, перепроверив имя Кесты в папке, которую держала в одной руке. В другой у нее был дипломат. Коленки

Кесты затряслись. Тим бы сказал ей, что она сделала все, что могла, и теперь не стоит им сопротивляться, лучше просто по-тихому сдаться. Но это было не в характере Кесты.

– Я все могу объяснить... – начала было она, но женщина не дала ей закончить.

– О, и доктора Кэринга. Я пришла за доктором Кэрингом и миссис Шелли. Это вы двое, так?

Воздух со свистом вырвался из легких Кесты, и она вытащила из сиденья впившиеся в него ногти. Те побелели: вся кровь отхлынула от них.

– Я доктор Кэринг, здравствуйте, – представился Дадли, протягивая незнакомке руку, – а вы?

– Идите за мной, – рывкнула она, не обращая внимания на руку Дадли, вышла за дверь и зацокала по коридору. Они последовали за ней, оставив Клэр и ногу в лаборатории.

Женщина скорее маршировала, чем просто шла. Она победоносно покачивала дипломатом, будто это была голова, которую она сняла с плеч своего врага. Кеста никогда ее прежде не видела. Казалось, она ведет их в администрацию. Ворвавшись в кабинет директора больницы, она уселась за чужой стол как за свой собственный. Затем закинула на него дипломат, щелкнула замками по обоим углам, широко распахнула его пасть и вытащила айпад. Со скрипом откинулась на спинку кожаного кресла и обвела внимательным взглядом двух людей, безвольно стоявших перед ней.

– Я работаю на Министерство обороны и безопасности

Великобритании, – наконец произнесла она. – Я здесь, чтобы обсудить ваши заявки на участие в проекте «Рассвет».

Кеста почувствовала, как возвращается головокружение, а булавки и иголки вновь впиваются в конечности. Ей нужно было присесть, отдышаться, но, поскольку женщина не предложила ей стул, она так и осталась стоять, потрясенная происходящим. Значит, это еще не конец. Это только начало.

– Вы успешно прошли отбор. – Она продолжила: – Уверена, ваши квалификация и опыт окажутся для нас полезными. Однако исследование, в котором вам предстоит принять участие, сопряжено со значительными рисками. Работа будет напряженной. Работа будет опасной. И есть большая вероятность, что вы спровоцируете вторую волну заражения. – Женщина рассмеялась, и их словно окатило раствором едкой щелочи. – И тогда мы облажаемся по-королевски. Нет. – Она провела наманикюренным пальцем по экрану. – Я не должна шутить о таком. Я прекрасно осознаю объем работы, и вам бы тоже не помешало. Советую привести ваши дела в порядок. Крайне важно, чтобы вы были с собой честны в этом вопросе. Вы готовы присоединиться к проекту «Рассвет»?

– Да! – выпалил Дадли и тут же закрыл рот обеими руками. Он дрожал, сдерживая восторг и честолубие, словно только что выиграл минивэн в телеигре. Он инстинктивно потянулся к руке Кесты, но она лишь отдернула ее.

Она ждала этого момента с тех самых пор, как Тима уку-

сили. Теперь ее застигли врасплох, и она испытывала только самый настоящий ужас. Что, если она не справится? Что, если облажается? Что, если подведет Тима? Столько переменных, столько всего, что может пойти не по плану. В ушах звенело. Она качнулась вперед, ухватилась за край директорского стола. Мысли ее затуманились. Перед глазами все плыло. Губы женщины двигались, но Кеста ее не слышала, не могла сосредоточиться на ее словах. Что-то о допуске по биобезопасности. О потребности ежедневно ходить новым маршрутом до места работы, чтобы избежать обнаружения. О необходимости соблюдения абсолютной секретности. В голове Кесты крутилось одно: *«Да я чемпионка мира по хранению секретов!»*

Внезапно в ее мозгу что-то щелкнуло. Она сглотнула, в ушах перестало звенеть, неприятный жар предобморочного состояния начал спадать. Дадли что-то говорил.

– «Стрэнд»?

И женщина ответила:

– Да, технически центр располагается под «Стрэндом». Проект «Рассвет» был обустроен много лет назад рядом с платформами давно заброшенной станции метро «Стрэнд», в полумиле под землей. Очень изобретательно, на самом деле.

Кеста была ошарашена. Местонахождение проекта «Рассвет» замалчивалось в СМИ. Она была совершенно уверена, что все биологические исследования ведутся в Портон-Да-

уне, в милях от Лондона, на просторах Уилтшира. А оказалось, что сверхсекретная операция разворачивалась прямо в центре города. Когда Дадли с ликованием стремительно вывел свою подпись на экране айпада, Кеста задумалась, не вскрыть ли ей вену, чтобы подписаться кровью.

– Мы беспокоились, миссис Шелли, – начала женщина, протягивая ей айпад, – что для вас это может оказаться слишком, учитывая недавнюю смерть вашего мужа. Вы точно уверены, что справитесь с трудностями проекта «Рассвет»?

Кеста ощутила, как где-то в глубине ее тела пускает корни зародыш ее ответственности перед Тимом. Вот уже три месяца она поддерживает в нем не-жизнь. Теперь пришла пора вдохнуть в него жизнь.

– Где подписать? – спросила она.

Глава четвертая

Случившееся назвали катастрофической чрезвычайной ситуацией. Крупным стихийным бедствием. Отовсюду говорили на военный манер про какие-то уровни угрозы, будто демонстрируя, с какой решимостью будет встречен этот беспрецедентный вирус. У большинства людей из-за этих «уровней» создавалось впечатление, что возникший вирус пугающе быстро прокачивался, как персонаж игры *Call of Duty*. Когда в новостях принялись вопить о готовности к чрезвычайному протоколу третьего уровня, подразумевавшему организацию блокпостов, введение военного положения и запрет на выход из дома, Тим невинно спросил: «А куда делись первый и второй?» Большинство лондонцев поступали так, как им велели, потому что собственными глазами видели, что случится, если они не будут следовать указаниям. Это нужно было пережить самому, чтобы понять.

Однако вирус можно было назвать каким угодно, только не хитроумным. Он не прибегал ни к скрытности, ни к уловкам, чтобы распространиться, как делают приличные вирусы. Он не проникал в организм незаметно, подобно грабителю, пробирающемуся в дом через окно, крадущему иммунитет и оставляющему человека в блаженном неведении до момента, когда становилось слишком поздно. Этот вирус действовал на физическом уровне. Он был жесток. Он преду-

преждал о своем приближении, потому что вы видели, как он несется на вас, и вы знали, что заразились, потому что он глубоко вонзался своими клыками в вашу руку, вырывая куски плоти и нанося дополнительный урон – миссия выполнена. Этот вирус жадно пожирал вас, становясь осязаемым предвестником вашей скорой кончины. Именно это видели люди, наблюдавшие за происходящим со стороны, слишком напуганные, чтобы отвести взгляд.

Все выглядело так, будто наступил конец света.

Он распространялся яростно. У него не было инкубационного периода – Кеста видела, как зараженные пациенты умирали и уже через несколько минут восставали, атакуя и кусая новых жертв. Это был вирус, распространявшийся в прямом эфире.

Во многих отношениях было удивительно, что выжидали так долго. Целых три дня. Инфекцию должно было уничтожить. Лондон обратился. В нем разрастались метастазы. Он стал злокачественной опухолью, которую необходимо было вырезать. Ампутировать ядовитую плоть, прижечь заразу, потому что других вариантов не имелось. Лондон превратился в открытую могилу, и остальной мир церемонно выжидал, когда станет достаточно безопасно, чтобы засыпать ее землей.

Эпидемия длилась шесть недель, пока последнего зараженного не поймали, после чего карантин был официально снят. Ни один укушенный не остался в живых, все жертвы

была ликвидированы.

Кроме Тима, разумеется.

В начале вспышки никто не поднимал разговор о лекарстве, поскольку все были слишком заняты, спасаясь от вируса. Физическая потребность высматривать и выжидать, спастись и прятаться, думать о том, как именно тот или иной предмет, находящийся при тебе, можно использовать в качестве оружия против врага или, что хуже, – против тебя самого, выкачивала из мозга весь кислород и не оставляла места для теоретических рассуждений. Быть все время настороже – требующее полной концентрации состояние, и Кеста, далеко не прирожденная спортсменка, совершенно выбилась из сил в первую пару недель, стараясь подавить нарастающий ужас. Но, как и всегда, когда приходится отдавать себя без остатка, люди постепенно адаптировались к жизни в осаде. Они хорошо усвоили, что помощи не будет. Самозащита стала привычным делом. Все переобулись в кроссовки.

Кеста вела медицинские заметки, основанные на собственных наблюдениях, с самого начала распространения инфекции. Она провела много мрачных дней и еще более мрачных ночей в попытках найти смысл в бессмыслице. Без опоры на логику, на данные, без доказательств Кеста попросту сошла бы с ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.